

С. А. ИНИКОВА
(Москва)

«НЕБЕСНЫЙ ГРАД» В ЯКУТСКОЙ ТАЙГЕ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию особенностей религиозного мировоззрения скопцов, оказавшихся в ссылке в Якутской области. Эти особенности выявляются через историю возвышения скопческого селения Мархинское, превратившегося в столицу якутских скопцов и символ триумфа их веры.*

***Ключевые слова:** скопцы, якутская ссылка, религиозное мировоззрение.*

В 2011 г. мне довелось побывать в Якутске, где, кроме архивных документов о ссыльных скопцах, я надеялась найти и другие следы их пребывания в тех краях. С начала 1860-х гг. Якутия стала единственным местом в пределах империи¹, где компактно селили скопцов, высылаемых по суду из Европейской части России и сибирских губерний. После Закавказья, Аландских островов, Туруханского края правительство решило направить их увеличивавшийся поток в отдаленную и дикую часть Восточной Сибири. Якутия была выбрана не только из-за удаленности, но и потому, что на скопцов возлагалась задача освоения края и развития там земледелия. К тому времени там, среди тайги, уже были небольшие островки пашен, принадлежавшие русским поселенцам, крестьянам и казакам, а также некоторой части якутов, но малый размер и потребительский характер хозяйств земледельцев не позволял решить проблему зависимости края от привозного и очень дорогого хлеба. Скопцам отводилась роль производителей товарного хлеба.

Некогда самое многолюдное и богатое скопческое селение Мархинское, или просто Марха, отстоявшее от Якут-

ска на 8 верст, давно превратилось в поселок, к которому почти вплотную подступил разросшийся город. Оказалось, что в Мархинском сохранились не только воспоминания о его первых насельниках, но и некоторые их дома и единственное в своем роде скопческое кладбище. Несмотря на целое столетие, отделяющее нас от того времени, когда подавляющее большинство скопцов, продав за бесценок или просто бросив свои жилища, покинули Якутию, селение сохранило налет некоей претенциозности. Мархинское когда-то играло роль скопческой столицы. Его претензии на главенствующее место среди скопческих поселений явились результатом не только экономических успехов жителей, но и некоторых обстоятельств, связанных с заселением этого места, а также с вероучением секты.

Первые жители — 34 ссыльных скопца — появились там в 1860 г., а в следующем году в Мархинском была поселена партия скопцов, перебравшихся в Якутию из Туруханского края, куда они попали в конце 1850-х гг. Среди них было много стариков и женщин, которые в условиях крайне сурового климата должны были заниматься рыболовством. Тех из них, кто выжил благодаря финансовой поддержке единоверцев из России, после их обращения к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву было решено поселить в Якутии по рекам Алдану и Мае вдали от жилья и без права отлучки с мест даже для заработков. Однако из-за неурожая 1861 г. партию временно расселили около Якутска и Олёкминска, чтобы ссыльные могли хоть как-то пропитать себя работами в городах. В урочище Марха поселили скопцов из лютеран — этнических финнов Петербургской губернии и часть русских скопцов, а в Спасском, как многозначительно ссыльные называли свое селение, расположенном всего в одной версте от Олёкминска, были в основном поселены сектанты из числа православных и среди них — 15 финнов. В последующие годы в Якутию прибывали новые партии скопцов, из которых формировали новые поселения. Пытаясь найти подходящие для земледелия места, якутское начальство перемещало

¹ За пределами Российской империи компактные скопческие анклавы существовали в Румынии в городах Галаце, Бухаресте, Яссах.

некоторые селения по несколько раз. В итоге жизнеспособными оказались 10 селений, из которых, в силу близости городов, сравнительно хорошего климата и начальных крупных вливаний скопческого капитала, Марха и Спасское быстро стали самыми крупными и богатыми. Восточносибирское правительство решило не трогать их, хотя соседство с городами шло вразрез с выработанными правилами размещения скопцов в Якутии. Более того, периодически вновь прибывшим ссыльным разрешали поселяться на Мархе или в Спасском, чтобы поддержать хозяйства стареющих первопоселенцев. В зависимости от этих разрешений и запретов численность жителей Мархинского колебалась от 221 до 389 человек обоего пола.

Подавляющее большинство скопцов принадлежало к крестьянскому сословию. Однако среди них было много крестьян-отходников, занимавшихся в городах извозным, плотницким, чеботарным промыслами, были даже представители таких профессий, как часовщики, типографские рабочие, пряничники, беловшейки. В 1861 г. 41,3% скопцов, поселенных в Якутской обл., имели ремесленные профессии. Среди женщин этот процент был еще выше — 48% (подсчитано по: [НАРС (Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 1424. Л. 32об., 33об.]). Как писали об этих поселенцах в местных газетах, «весь почти ремесленный цех составил из них» [Шипицын 1869]. Среди первых жителей Мархи были удельные крестьяне — работники Ропшинской бумажной фабрики (туруханские переселенцы).

Близость Якутска и особенно Олёкминска позволила скопцам из крестьян и мещан успешно заниматься торговлей вразнос и с ларей. За короткое время скопцы успели завладеть в Якутске и в Олёкминске мелочным рынком [Виноградов 1879, 626; М. В. 1901, 155]. До 1866 г., когда скопцы Мархи могли жить в Якутске или свободно посещать город, только восемь человек направили капиталы в земледелие, а остальные — в торговлю [Скопцы Мархинского 1895]. Современники совершенно справедливо отмечали склонность скопцов к занятиям торговлей, но, возможно, отчасти это объяснялось еще и тем, что в начале их жизни в Якутии многие не имели

достаточных средств, чтобы вложить их в раскорчевку леса, наем рабочих, закупку инвентаря и семян, да и занятие земледелием в условиях вечной мерзлоты в то время представлялось весьма сомнительным.

В 1866 г. скопцам запретили не только жить в городах, но и бывать там, а спустя 13 лет ограничили пребывание в городе восьмью часами дневного времени. В 1870 г. им запретили торговать даже в собственных селениях и вновь разрешили сначала некоторым в 1888 г., а потом, в 1896 г., и всем желающим. Проводя такую политику, власти вынуждали скопцов заниматься земледелием. Благодаря собственному трудолюбию, предприимчивости и капиталу российских и румынских собратьев они действительно развили земледелие и сделали его товарным. Крупные и даже средние хозяйства работали на рынок, привлекая многочисленных наемных рабочих (1500 человек в сезон).

Экономическое тяготение к городу и прежние связи многих с городской средой способствовали тому, что мархинцы в своей массе ощущали себя горожанами и сохраняли свою привязанность к городской жизни.

Современники называли Мархинское селение метрополией, а все остальные — колониями. В Марху приходили наниматься на работу вновь присланные в Якутию ссыльные скопцы и другие сектанты, чтобы подкопить денег и потом начать хозяйствовать. К мархинцам прежде всего обращались за милостыней вконец разоренные многократными переселениями с места на место их собратья. Попасть туда в роли батрака или члена «гнезда» (скопческой семьи), а еще лучше — наследника зажиточного старика мечтали скопцы других селений. Они заваливали начальство прошениями о переселении в Марху.

В селении было шесть улиц, кожевенные, свечные и мыловаренные предприятия, много мельниц (в 1893 г. — 1 водяная, 22 конных и 1 паровая). После снятия запрета на ведение скопцами торговли внутри селений в Мархе открылось шесть лавок. В 1899 г. там организовали общую для всех селений скопческую богадельню. Показателем уровня цивилизованности Мархинского и Спасского в то время была и по-

жарная машина в каждом из них, в то время как в г. Олёкминске ее не было.

Попадая в Мархинское или в Спасское, современники удивлялись добротности построек, чистоте и комфортабельности, совершенно не известным в русских, а тем более в якутских селениях. Кому позволяли средства, те построили хоромы «с высокими окнами, резными украшениями и бордюрами на крышах. Крестьянских изб скопцы не любят; по архитектуре своих домов они горожане» [Е. С. 1891, 27]. Одни современники отмечали, что «по красоте и зажиточности построек» Мархинское превосходило многие сибирские деревни [Кон 1896], а другие даже сравнивали с самим Якутском, и это сравнение было не в пользу последнего: «даже в Якутске нет таких домов высоких с большими окнами, с тесовыми и железными крышами, с резными фигурками, со стеклянными верандами и палисадниками» [Бычков 1902, 47]. Спасское превосходило по красоте и благоустройству уездный Олёкминск, где вместо стекла многие еще использовали слюду и бычий пузырь, в то время как окна скопческих жилищ были

из цельного стекла, а несколько домов даже имели два этажа [В. И-н 1894, 302] (см. фото 1).

Скопец из отдаленного селения Троицкое, попав в Мархинское, так описывал свои впечатления: «*радостно и как бы страшно после одичалости въезжать в такое полное богатства и всякого изобилия скопческое село*» [ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 263. Л. 12об.]. Что же тогда говорить о якутах и тунгусах, на которых селения скопцов производили просто «*чарующее впечатление*» [ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 11. Л. 5об.]. В Сибирском отделе Нижегородской выставки в 1896 г. как большое местное достижение были представлены модели домов Мархи [ЦГИА СПб. Ф. 704. Оп. 1. Д. 10. Л. 95об.].

Еще более поражало воображение заезжих гостей, в том числе из Якутска, внутреннее убранство богатых домов: по углам залы в деревянных кадках роскошные тропические растения, удобная мягкая мебель, обитая голубой суконной материей, венская мебель, столы со скатертями и два трюмо. Стены без обоев увешены олеографиями в красивых рамах, фотографиями

Фото 1. Улица Мархи. Скопческий дом в Мархинском. Фотооткрытка начала XX в. из архива автора

скопцов [Бычков 1902, 59]. Домашняя обстановка богатых домов Спасского тоже поражала гостей коврами на полу и стенах, зеркалами и хорошей чайной посудой [-вич и -ов 1888].

Городская одежда большинстваскопцов вполне соответствовала городскому виду построек Мархи или Спасского. Мархинские «братцы» одевались «чисто, иногда богато» [Е. С. 1891, 27], а работали на своих подворьях в белых холщовых фартуках [Скопцы в Якутской обл. 1898, 301], чего, конечно, нельзя было увидеть ни в одной русской деревне. Это, скорее, одежда городских дворников и мастеровых. О скопцах Спасского современник писал: «Надо заметить, что скопец в ссылке одевается по-городски и некоторые даже франтовато» [В. И-н 1894, 303].

Мархинцы питали какое-то особенное пристрастие не только к чистоте и комфорту, чем, конечно, с удовольствием пользовались сами, но и к некоторому изыску, рассчитанному на то, чтобы произвести впечатление на постороннего. Им доставляло удовольствие предложить потрясенному увиденным гостю дорогой и редкий в тех местах фрукт — лимон, или монпасье в красивой жестяной коробочке, или экзотические для тех мест арбуз, дыню, выращенные в собственной теплице.

Чиновники Якутска любили ездить на Марху и требовать от малознакомого скопца «самоварчик», а хозяин, из опасения, как бы не накликать беду, вынужден был ублажать гостя [Е. С. 1891, 26]. Несколько раз наведывались в Мархинское и Спасское генерал-губернаторы Восточной Сибири, чтобы своими глазами обозреть засеянные скопцами нивы и их селения, о которых шла молва. К приезду в 1886 г. генерал-губернатора А. П. Игнатьева мархинцы соорудили при въезде на мост через реку арку с приветственной надписью, украсили улицы деревьями, зеленью и флагами [ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 257. Л. 25об.]. Некоторые из членов Совета Главного управления Восточной Сибири высказывали опасения по поводу превращения Мархи в «скопческое городище», куда скопцы Европейской России будут приходить как «в свой город» [Ольминский 1905, 171].

Быт в Мархе и Спасском также отличался от крестьянского: принято было праздновать именины и приходить с подарками: фунтом чая, перчатками, пуховой подушкой; ходить в зимнее время по гостям и пить чай с покупным вареньем, пирогами, лимонами; читать вслух газеты.

Кроме местных сибирских газет скопцы выписывали «Ниву», «Сын Отечества», «Вокруг света», «Русские ведомости». Почти в каждом доме была Библия, у многих были религиозные издания, но нередко встречались и светские книги, особенно популярными были «Крейцера соната» Л. Н. Толстого, романы Золя и Мопассана. Лютеране Мархинского почти все, даже женщины, умели читать, правда на финском. За счет этого общий уровень грамотности был очень высоким: в 1885 г. 64% мужчин и 59% женщин были грамотными (подсчитано по: [Мархинские скопцы 1886]). Уровень грамотности в Спасском был существенно ниже.

Но не последнее обстоятельство и не большая численность населения Мархи позволили именно этому селению, а не Спасскому почти полвека удерживать за собой статусскопческой столицы. Объяснить это можно, очевидно, близостью Мархи к столице Якутской обл. — Якутску, где среди чиновников при большой необходимости можно было найти желающих за некоторую мзду оказать посильные услугископческому сообществу. И скопцы остальных селений смотрели на мархинскую верхушку как на представителей всего якутскогоскопческого общества перед властью. И еще одно обстоятельство предопределило ведущую роль Мархи — это наличие там влиятельной средископцов петербургской группировки.

Финны-скопцы были выходцами из Петергофского, Царскосельского, Ямбургского, Софийского и Шлиссельбургского уездов. Причем они были не только в числе туруханской партии, но и прибывали на Марху в последующие 1870—1880-е гг., как, впрочем, и русские скопцы из самого Петербурга. Со временем за счет ссыльных из разных губерний России петербургский контингент постепенно разбавлялся,

Фото 2. Мархинское кладбище. Фотооткрытка начала XX в. (ГМИР. ФИА)

но скопцы из Петербурга и губернии по-прежнему составляли самую многочисленную группу: в 1885 г. ее численность была 96 человек, а следующая за ней с большим отрывом рязанская группа составляла всего 21 человек. В том же году финны-лютеране на Мархе составляли 31,6% [Мархинские скопцы 1886]. А поскольку финны были в числе первых поселенцев, то они получили полный надел земли и статус старожилов, который (в силу сложившегося местного права) позволял им на протяжении нескольких десятилетий не переселять эту землю. В Спасском петербургская группа хотя по численности тоже занимала первое место, но не имела большого преимущества и «тонула» среди прочих [В. И-н 1894, 312].

Петербургское влияние отразилось на внешнем облике Мархи. Известно, что переселенцы, будь они добровольные или вынужденные, обычно стараются перенести на новые места привычные и значимые для них элементы культуры. И если «прелестный мост», о котором счел нужным упомянуть современник и по которому проходила дорога в Мархинское [Кон 1896], мог и не быть реминисценцией на петербургские мостики на Мойке или Лебяжьей канавке, то барочная резьба наличников домов, совершенно неизвестная другим жителям края, сразу же пробуждает воспоминание о роскошной барочной лепнине Царского села, Петергофа или Петербурга.

Особого внимания достойно мархинское кладбище. В музейных коллекциях сохранились некоторые открытки с видами селения из выпущенного в Мархинском наборе. В их числе открытка с видом кладбища и скопцов, видимо, пришедших туда на Троицу (см. фото 2). Обращают на себя внимание деревянные сооружения над некоторыми могилами — некое подобие сени, обычно сооружавшейся в храмах над ковчегами с мощами, иногда и на кладбищах над могилами. Остатки подобных сооружений, только из металла, еще можно найти на петербургском Смоленском кладбище. На открытке видны большие четырех- и шестиконечные кресты, угадывается и один восьмиконечный, но не видны сами могилы с надгробиями. При посещении кладбища я обнаружила сохранившиеся надмогильные сооружения, сделанные, как и мархинские дома, из прочной лиственницы (см. фото 3). Крестов уже не было, но зато моему взору представились однотипные раскиданные по кладбищу и не видные на открытке уникальные надгробия, сделанные из местного камня. На некоторых из них прекрасно сохранилась не только символика, но и надписи, в которых сообщались имя и фамилия покоящегося под плитой, место его рождения, возраст, год смерти и еще одна фраза, к которой мы вернемся ниже. Судя по указанным фамилиям и месту рождения, эти надгробия были на могилах как финнов, так и русских скопцов.

Фото 3. Остатки надмогильных сооружений на кладбище. Фото автора. 2011 г.

Верхняя четвертая часть плиты занята барельефом: в двух углах изображены херувимы; в центре помещен четырехконечный крест, а по его бокам — якорь и пылающее сердце. Это общехристианская символика, широко использовавшаяся скопцами. На картинах, написанных маслом на холсте или доске или даже карандашом на бумаге (условно можно считать эти картины скопческими иконами), часто изображались херувимы, которые символизировали не только Горний мир, среди которого находится Искупитель (он же Сын Божий, воплотившийся в пречистой плоти Петра III и скрывавшийся под именем крестьянина Кондратия Селиванова), но и ангельскую непорочность самих скопцов. Легко прочитывается и центральная композиция: Вера (крест), Надежда (якорь), Любовь (пылающее сердце) (см. фото 4). Эти три символа издавна известны в христианском мире и могли использоваться вместе или порознь². В конце XVIII — начале XIX в. в период увлечения дворянства, а вслед за ним и другой читающей публики западной мистической

литературой эта символика использовалась в культовых (храмовых и кладбищенских) скульптурных композициях, картинах профессиональных художников, книжных иллюстрациях и календарях. Изображения креста, нижняя часть которого одновременно является и якорем, неоднократно встречаются на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге на надгробиях конца XVIII — первой трети XIX в. Очевидно, петербургские скопцы приняли эту символику как свою и сохраняли ее в конце века, невзирая на то что мода на нее давно прошла³.

Кроме вышеописанных могильных плит фрагментарно сохранились еще два мраморных надгробия совершенно другого типа. На одном виден высеченный крест, а над ним изображение, очень напоминающее голубя на скопческих картинах, символизирующего Святой Дух. Другое представляет из себя простую мраморную плиту с фамилией и датами. Ничего подобного не было на кладбище Спасского селения: ни каменных надгробий с символикой, ни сени над могилами [Ольминский 1903].

² Накрепко соединенные канатом крест и якорь венчают, например, надгробие лютеранского пастора на старинном кладбище в Симферополе. См. фотографию [Німці 2001, 70].

³ Во время обысков, производившихся в домах петербургских скопцов в 1870-е гг., у них изымались картины и литографии с подобной символикой.

Культурные предпочтения петербуржцев были приняты всеми мархинцами не только из-за численного или экономического превосходства первых, тем более что оно не было абсолютным. Здесь необходимо вспомнить и о той роли, которую играл Петербург и всё петербургское в истории секты, и о том месте, которое занимал этот город в ее преданиях.

Петербург в представлениях скопцов — это колыбель скопчества: отсюда ушли в мир с проповедью учения отрeksiвшиеся от престола «венценосные скопцы» — Елизавета Петровна (под именем Акулины Ивановны) и ее духовный сын Петр III (под именем Кондратия Селиванова). С Петербургом связаны воспоминания о счастливом времени, когда при Александре I ранее возвращенный в столицу из иркутской ссылки и отправленный Павлом в смиренный дом Кондратий Селиванов привольно зажил в домах богатых петербургских купцов-скопцов. Тогда свободно отправлялись обряды секты, а Искупителя принимал высокопоставленную петербургскую знать и даже самого царя. Об этом скопцы сложили стих-распевец, который исполняли на радениях (молениях):

*Ай, во Питере во граде
Жили праведны в отряде.
Стоял тут Божий дом,
Сидел батюшка на троне,
Он в порфире, в короне,
В правой ручушке держава,
Все, боясь, от них бежали,
Во второй ручушке два щита,
Явной царь то был защита
[ГАРО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 10. Л. 76об.].*

В другом распевце, исполнявшемся туруханскими скопцами, говорилось: «Мы на Питер сердцем взглянем, // Весь глагол, привет вспомняем» [Кривошапкин 1865, 229]. Да и кормщики в скопческих распевцах, ведущие корабли (скопческие общины) по бурному житейскому морю, все петербургские, а московским отводилась роль гребцов [М. В. 1901, 178].

Ссылные петербургские скопцы, те же финны, если не сами видели Искупителя, которого, впрочем, привозили на радение в Софийский уезд [РГИА.

Фото 4. Надгробная плита с символикой на скопческом кладбище. Фото автора. 2011 г.

Ф. 1284. Оп. 195. 1815. Д. 6], то знали свидетелей его жизни, тех, кто бывал у него на молениях и беседах в Петербурге и получил его благословение. У многих питерских как святых хранились ногти и волосы Искупителя, кусочки его одежды. В Петербурге до 1870-х гг. в доме в Озерном переулке, где когда-то жил Селиванов, сохранялась его мемориальная комната, попасть в которую считалось огромной честью. Таким опосредованным образом коснулся якутской Мархи отблеск золотого века российского скопчества.

Современники — главным образом политические ссыльные — писали о том, что якутские скопцы, увлекшись добыванием материальных благ, которые они и передать-то никому не могли, поскольку у них не было ни юридических прав, ни самих наследников, совершенно забыли заповеди своего Искупителя и то, ради чего пошли в ссылку. Их поистине фанатичное трудолюбие, предприимчивость и стремление к богатству однозначно трактовались как непомерная алчность и безнравственность, хотя аналогичное поведение торговцев и ростовщиков православного или иудейского вероисповедания не вызывало столь резкого неприятия. Нельзя отрицать, что по мере погружения в материальный быт даже самые высокие идеи неизбежно тускнеют и на поверхность выходят далеко не лучшие человеческие качества.

Однако стоит обратить внимание на то, что якутская ссылка осмыслялась скопцами как крест, данный им самим Искупителем, который тоже много лет нес его в иркутской ссылке. Только следуя по стопам Искупителя, возможно было достичь Царствия Небесного, поэтому пребывание в ссылке само по себе носило характер религиозного служения.

Среди скопцов считалось, что Искупитель-батюшка дал правительству разрешение отправлять его «детушек» в дальние края. Между скопцами в рукописи ходило одно из посланий Кондратия Селиванова, в котором говорилось, что, когда его привезли из иркутской ссылки в Петербург, он был вызван в Сенат. Сенаторы, отчаявшись обуздать религиозный энтузиазм скопцов, потребовали от Селиванова, чтобы он остановил их. Не зная, как это сделать, сенаторы перебирали варианты: «Вешать, жечь? — Нельзя. — Ссылать? — И получили ответ Селиванова: *Можно*» [Добровотворцев 1881, 526]. Документально подтверждается факт, что при Александре I Селиванову через министра полиции Балашова была передана воля царя: прекратить оскопления. Однако в 1812 г. обнаружили новые случаи, и Селиванов, выразив свое сожаление и посетовав в письме министру на непослушание «детушек», просил его лишь об одном: наказывая ослушников *«хотя бы то и ссылкой в дальние места»*, не передавать их дела на рассмотрение уголовных палат, где во время процессов поносят имя Божье и возникает *«неосновательная молва»* [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1811. Д. 14. Л. 11]. От лица Искупителя в скопческих распевах говорилось:

А еще что вам скажу?

Много детушек своих

В дальни страны провожу

[ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 10. Л. 14об.].

Или:

Хошь страна она и дика,

Да Вышний велел Владыка

Своим верным избранным

Побывать в стране сей дальней.

— Так извольте, мои дети,

Ради душ своих терпите.

Претерпевший до конца

Не лишен будет венца

[Поэзия и проза 1904, 260].

Побег из этой «дикой страны» считался проявлением малодушия и нарушением божественного завета. Таким поступком скопец опозорил бы себя, и «свои» такого беглеца не должны были принимать [Ядринцев 1872, 261]. На самом деле случаи побегов, конечно же, бывали, хотя и не часто.

Фанатичную готовность скопцов к ссылке и грядущим страданиям отметил известный этнограф С. В. Максимов. Он нарисовал психологический портрет тех самых скопцов-финнов Петербургской губернии, которые тогда, в 1857—1858 гг., ожидали ссылки в Туруханский край, а через пару лет оказались на Мархе. Максимов встретил их в Петергофской тюрьме и был потрясен их поразительным бесстрашием накануне отправки в далекую и холодную Сибирь. Скопцов не трогали ни даваемые им советы, ни выражаемые им чувства сожаления: «Они как будто в каком-то отупении готовились на предстоящую борьбу с ссылкой, и притом видно было, что ей не сломить их характера и не поколебать решимости» [Максимов, 248]. Единственное, что их тяготило, — это долгое ожидание отправки. В другой работе Максимов назвал этих скопцов из числа петербургских лютеран отчаянными фаталистами, «что с твердостью и стойкостью и без ропота покоряются своей участи» [Максимов 1868, 132]. Этнограф по их поведению заметил, что сибирская ссылка имела для скопцов религиозно-мистический смысл, так как Сибирь для них — обетованная земля, а Иркутск — это Иерусалим, поскольку там отбывал ссылку сам К. Селиванов и оттуда, с Иркутской горы, он явится снова.

Якутская область в представлении скопцов — это всего лишь временная остановка на пути в Царствие Небесное. Уже проживая в Мархинском, туруханские скопцы сложили распевец, в котором Искупитель в ответ на слезные просьбы «детушек» о спасении от голодной смерти обещал проводить их на Восток в обетованную землю, где будет дана им манна небесная:

Там всего я урожу,
А вас дальше провожу,
Во Якутский, други, край,
И устрою там свой Рай
[Поэзия и проза 1904, 260].

В 1890-е гг. один из скопческих аскетов, закоренелый фанатик, несмотря на слепоту продолжавший делать в Мархинском операции по осклоплению, путем вольных толкований слов доказывал, что «область» и «облако» — это одно и то же и означает «место, где Бог», то есть Якутская область — это небо и рай на земле [Сербин 1897].

Скопцы должны были создать рай и доказать всему миру и самим себе, что они избранные Богом, что им под силу всё перенести и достичь видимого всеми экономического превосходства, которое невозможно будет умалить или замолчать. Такое отношение к труду и богатству, может быть несколько гипертрофированное, вполне укладывается в рамки протестантской доктрины.

Естественно, что все свои успехи в Якутии скопцы приписывали прежде всего покровительству Господа Бога (Искупителя), которого слезами, радениями, терпеливым несением креста они умолили *«обогреть то место, где им положено в наказание просуществовать свой век»* [ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 263. Л. 1]. И в свете сказанного становится понятным значение той фразы, которая, как заклинание, повторялась на могильных плитах мархинского кладбища: *«Помощь моя от Господа Искупителя моего»*⁴.

Марха и Спасское стали своего рода символами скопческого благополучия под защитой Божьей. Родственники ссыльных, приезжая к ним на свидание, потом *«в самом привлекательном виде»* рассказывали о жизни в Сибири. В Уфимской губернии распространение скопчества в начале 1880-х гг. власти связывали с поездкой сына на свидание с матерью, сосланной в Сибирь за скопчество [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1870. Д. 43. Л. 398]. Слухи о Мархе и

⁴ *«Помощь моя от Господа Искупителя моего к тебе гряди не остави мене со святыми упокой вечная память»*; *«Помощь моя от Господа моего к тебе гряди Искупитель Иисусе сладчайшей ни остави меня со святыми упокой вечная память»*.

других сектантских селениях, выросших в тайге, разносились корреспондентами сибирских и центральных газет. Возвеличиванию якутских скопцов способствовала демонстрация их достижений на Нижегородской выставке, а также фотографии и открытки, рассылаемые собратям в другие регионы. Это было зримое подтверждение обещанной им Божьей помощи, их собственного крепкого духа, воздаяния за все страдания и символ грядущего триумфа «искупительской веры».

Очень показательна фотография, сделанная в Спасском, явно рассчитанная на собратьев в России: «братцы» собрались за столом, на котором самовар, снедь, и они пьют чай и едят крупный, отборный виноград. Фотография должна была свидетельствовать об их счастливой и изобильной жизни, и вместе с тем она символизировала торжество «Израиля» — избранного народа (ветвистого винограда), виноградарем которого являлся сам Господь Бог (Книга прор. Осии: 10, 1; Евангелие от Иоанна: 15, 1). Представим, что такая фотография попала в российскую деревушку или захолустный уездный городок в руки какого-нибудь скопца-неофита. Да разве после этого он мог убоиться ссылки в Якутию?! (см. фото 5).

Сохранилось интересное письмо, возможно написанное одним из участников именно этого запечатленного на фотографии застолья. Он писал другу, что кто-то из купцов привез из Иркутска много разных яблок, дуль, лимонов и винограда, но только в мерзлом виде. Автор письма сообщал: *«Ну, хорошаи фрукты все. Виноград я сроду ни видал, а теперь пришлось попробовать. 5 ягод съел двух сортов: белай и коричневый. Ну, белай лутши и кусочек дули съел. Дули я маленькой ел и любил их. 50 лет назад как их ел»* [ЦГИА СПб. Ф. 704. Оп. 1. Д. 17. Л. 63]. И таких, кто никогда не видел и не ел винограда, было очень много, и в Мархинском, и в Спасском. Да и в остальном не всё было так благостно в скопческих селениях, а тем более в их столице — «небесном граде» Мархе, как скопцы пытались доказать всему миру.

Даже вначале, когда шла борьба с обстоятельствами, природой и клима-

Фото 5. Чаепитие в Спасском. Фото начала XX в. (Музей истории земледелия Якутии. Олёкминск)

том, убежденности в правоте своей веры и религиозного энтузиазма уже хватало не всем. Старожилы завладели всей землей и не хотели делиться с новоселами, из-за чего Марху сотрясали социальные конфликты, тянувшиеся десятилетиями. Многие случайные в скопчестве люди, особенно оскорбленные в детстве, осознав полную безнадежность своего положения, озлоблялись или отчаивались, а некоторые пытались противопоставить зажиточным братцам Мархи доведенный до самоистязания аскетизм, заканчивавшийся смертью от голода или повешением на крестах [Внутренние известия 1898; Сербин 1897]. И каким бы высочайшим авторитетом ни была освящена ссылка, каким бы заманчивым и близким ни казался обещанный рай, все скопцы мечтали о возвращении на родину, где у них, может быть, уже давно никого и не осталось. Богатый и влиятельный мархинский скопец, бывший одно время старостой селения, писал в записке «о своем житье-бытье»: *«Мы, которые пошли ради Бога и Царства Небесного, страдать и терпеть горя и всякие нужды, с великою охотою! Но премудрый сказал: ничто не вечно под луной; прошло время, а время самый луч-*

ший учитель, целитель и советник; тогда только мы увидели свою неоправимую ошибку! Когда поубавилось паров в нашей разгоряченной фанатизмом голове, когда нас, “добрых молодцов”, вместо Царствия Небесного в царство Ермака Тимофеевича послали бобров ловить! <...> И так теперь мы сидим на реках Вавилонских да плачем о возлюбленном нашем отечестве; участь нашу только тот может понять, кто на себе испытал, но дай Бог, чтобы таковых не было!!! Странное создание этот человек; вот уже 30 лет как мы шатаемся по этой непроглядной и неприветливой матушке Сибири! А всё так и думаем, что вот-вот воротят на свою милую родину. Господи, кабы это сбылось! Теперь бы, кажется, знал бы ей цену» [ГАИО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 57. К. 66. Л. 27—27об.].

И когда в 1905 г. скопцам разрешили выехать из Якутской обл. и избрать для жительства место в Европейской России или Сибири, они бросали дома, имущество и уезжали. Селения быстро опустели. Дольше всех продержалась Марха, куда съехались те, кто все-таки решил доживать свой век в Якутии. Якутские власти вселяли в опустевшие селения православных, которые быстро завладели домами, землями,

мельницами, последних из мархинских скопцов можно было встретить там еще в 1940-е гг.

Успехи жителей Мархинского нельзя объяснять, как это было принято, только удачными природно-климатическими условиями местности, близостью города и т. п., поскольку в таких общностях огромную роль всегда играл религиозный фактор, подчас невидный сторонним наблюдателям, а тем более современникам. В короткой полувековой истории и культуре Мархинского нашли отражение конкретные религиозные аспекты скопческого учения и экономический потенциал протестантской трудовой доктрины в целом. И хотя это поселение ссыльных всё же не стало воплощением идеалов российских скопцов (репрессивный закон тяготел как над экономической, так и над духовной жизнью его обитателей; не все скопцы оказались готовы до конца нести взятый крест), но именно оно оказалось вершиной коллективной созидательной деятельности этой секты.

Литература

Бычков 1902 — *Бычков А.* Очерки Якутской области. II. Скопцы в ссылке (к вопросу о развитии земледелия в Якутской области). Иркутск, 1902.

В. И-н 1894 — *В. И-н.* Олекминские скопцы. Историко-бытовой очерк // Живая старина. 1894. Вып. 3. С. 301—324.

Виноградов 1879 — *Виноградов А.* (протоиер.). Несколько заметок о скопцах, поселенных в Якутской области // Иркутские епархиальные ведомости. 1879. № 52 (29 декабря). (Прибав.).

-вич и -ов 1888 — *-вич и -ов.* Скопческие поселения в Якутской области // Казанский биржевой листок. 1888. 7 февраля.

Внутренние известия 1898 — Внутренние известия. Якутск // Сибирский листок. 1898. 31 мая.

Добротворцев 1881 — *Добротворцев С.* Нечто о скопцах Якутского края // Иркутские епархиальные ведомости. 1881. № 43. 24 октября. (Прибав.).

Е. С. 1891 — *Е. С.* Сектанты-поселенцы в Якутской губернии (из личных наблюдений) // Северный вестник. 1891. № 2. С. 20—39.

Кон 1896 — *Кон Ф.* Намские письма // Восточное обозрение. 1896. № 10.

Кривошапкин 1865 — *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865.

М. В. 1901 — *М. В.* Сибирские сектанты (этнографический очерк) // Наблюдатель. 1901. № 6. С. 153—190.

Максимов 1868 — *Максимов С. В.* Несчастные // Вестник Европы. 1868. Т. 5. Кн. 9. С. 55—145.

Максимов — *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. СПб., б/г. Т. 2. Ч. 2.

Мархинские скопцы 1886 — Мархинские скопцы (Якут. область) // Сибирь. 1886. 10 августа.

Німці 2001 — Німці і німецька культура в Україні. Киев, 2001.

Ольминский 1903 — *Ольминский М.* Скопческое кладбище // Восточное обозрение. 1903. 20 июля.

Ольминский 1905 — *Ольминский М.* Из истории сектантства в Якутской области // Правда. 1905. Август. С. 155—181.

Поэзия и проза 1904 — Поэзия и проза сибирских скопцов. Томск, 1904.

Сербин 1897 — *Сербин П.* Скопцы-субботники (отрывки из воспоминаний) // Томский листок. 1897. 13 сентября.

Скопцы в Якутской обл. 1898 — Скопцы в Якутской области // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 г. Томск. 1898. С. 279—310.

Скопцы Мархинского 1895 — Скопцы Мархинского селения Якутской области // Сибирский вестник. 1895. 10 марта.

Шипицын 1869 — *Шипицын А.* Заметки по поводу водворения в Якутской области ссыльных // Иркутские губернские ведомости. 1869. 18 января.

Ядринцев 1872 — *Ядринцев Н. М.* Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

Сокращения

ГАИО — Государственный архив Иркутской обл.

ГАРО — Государственный архив Рязанской обл.

ГМИР — Государственный музей истории религии

НАРС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия)

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга

Summary. The article is dedicated to the features of skopetsy religions ideology in the Yakut exile. These features are coming to light through the history of skopets settlement Markhinskoye, which turned into the center of Yakut skopetsy, and symbolized the triumph of their faith.

Key words: Skopetsy, Yakut exile, religious ideology.